

УДК 342. 8(410)

DOI: 10.34670/AR.2026.49.93.006

Ликвидация «гнилых местечек» по избирательной реформе в Великобритании 1832 г.

Иващенко Вадим Александрович

Старший преподаватель,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: 003990@togudv.ru

Аннотация

Статья раскрывает ликвидацию «гнилых местечек» в Великобритании как ключевой юридический механизм перенастройки парламентского представительства в условиях индустриальных и демографических сдвигов начала XIX века. Показано, что несоответствие между численностью населения и сохранёнными мандатами не воспринималось внутри британского права как техническая аномалия, поскольку представительство исторически связывалось с корпоративными привилегиями и хартиями, а не с принципом пропорциональности. Анализируется, каким образом локальные режимы франшизы и имущественные конструкции превращали отдельные округа в устойчивые «выборные машины» патронажа, формально легальные, но порождавшие системную коррупционность и клиентелизм. Реформа 1832 г. интерпретируется как демонстрация парламентского суверенитета, реализованного через статутную технику расписаний с прямым перечислением округов, подлежащих лишению или сокращению мандатов, что минимизировало пространство для оспаривания. Освещены конституционные напряжения 1831–1832 гг., роль комиссий по границам и последствия унификации франшизы через £10 household criterion: расширение и одновременно цензовое ограничение электората, перенос форм влияния и рост значимости регистрационных процедур и петиций. Реформа представлена как символически мощная, но компромиссная корректировка легитимности, институционализировавшая представительство как изменяемую публично-правовую конструкцию.

Для цитирования в научных исследованиях

Иващенко В.А. Ликвидация «гнилых местечек» по избирательной реформе в Великобритании 1832 г. // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 12А. С.41-50. DOI: 10.34670/AR.2026.49.93.006

Ключевые слова

Гнилые местечки, избирательная реформа 1832 года, парламентское представительство, парламентский суверенитет, избирательное право, конституционная реформа, политическая история.

Введение

Термин «гнилые местечки» закрепился в русскоязычной традиции как удачный перевод английского rotten boroughs и обозначает избирательные округа (прежде всего боро), которые к началу XIX века фактически утратили сопоставимое с мандатами население и экономическую роль, но продолжали направлять в Палату общин одного или двух депутатов. Внутри британской правовой системы это не выглядело «аномалией» в узком юридико-техническом смысле: представительство воспринималось как исторически сложившаяся привилегия конкретной общины или корпорации, а не как функция численности населения, и потому многие боро сохраняли мандаты по инерции старых хартий и парламентских актов. С практической стороны избирательное право в таких округах часто сводилось к контролю патрона над ограниченным корпусом избирателей через корпоративные механизмы, зависимость арендаторов или «карманные» права типа burgage, что создавало предпосылки для системной коррупции и политического клиентелизма [O’Gorman, 1989]. Проблема «гнилых местечек» была не просто политической; она затрагивала фундаментальные вопросы публичного права: о природе представительства, о границах парламентского суверенитета в перекройке конституционного ландшафта и о допустимых юридических инструментах «исправления» исторического дисбаланса. В общественном сознании эти округа стали символом разрыва между меняющейся социальной реальностью индустриальной Британии и архаическими правовыми формами, продолжающими продуцировать властные преимущества для узких групп, и именно поэтому борьба вокруг реформы 1832 года быстро вышла за рамки кабинетного обсуждения и приобрела черты конституционного кризиса.

До 1832 года британское избирательное право оставалось мозаичным набором локальных режимов, где критерии «кто голосует» зависели от типа боро и традиции: где-то голосовали freemen, где-то «плательщики» (scot and lot), где-то «домовладельцы-очажники» (potwallopers), где-то — узкий состав корпорации, а в графствах доминировал сорокашиллинговый фригольдер. Именно эта фрагментация позволяла правовым образом сосуществовать крупным промышленным центрам без самостоятельного парламентского голоса и крошечным местечкам с двумя мандатами, а также обеспечивала устойчивость «карманных» округов, в которых результат выборов предreshался еще до выдачи writ. В юридическом плане парламент обладал компетенцией менять правила представительства без обращения к какому-либо «высшему» конституционному тексту, и эта доктрина, подкрепленная практикой XVIII века, делала реформу вопросом политической воли и процедурного прохождения законопроекта, а не «конституционного контроля» в современном смысле [Dicey, 1908]. На этом фоне ликвидация rotten boroughs в 1832 году стала показательной демонстрацией того, как парламентский суверенитет может использоваться для демонтажа «приобретенных» политических преимуществ без компенсационных механизмов, при этом сохраняя внешне правовую корректность процедуры. Одновременно реформа вскрыла ограничения такого подхода: «гнилые местечки» ликвидировались как наиболее раздражающий симптом, но вопрос представительства как равного участия по-прежнему оставался нерешенным и был отложен на последующие реформы второй половины XIX века.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на первичные нормативные источники и материалы парламентского процесса: текст Акта о представительстве народа 1832 года (Representation of

the People Act 1832) с приложенными расписаниями (Schedules), а также связанные с ним документы по формированию границ и перераспределению мандатов [Representation of the People Act 1832]. Для реконструкции логики законодателя и практических аргументов сторон использованы парламентские дебаты, публикуемые в Hansard, включая дискуссии по биллям 1831–1832 годов и риторику о «конституционном балансе» между короной, лордами и общинами [Parliamentary Debates, 1831–1832]. В качестве вспомогательного массива привлечены отчеты и описания работы комиссий по границам и местным условиям, позволяющие увидеть, как абстрактная норма переводилась в картографию округов и какие критерии считались юридически релевантными при отнесении боро к лишаемым мандатов или редуцируемым [Report of the Boundary Commissioners, 1832]. Такой набор источников важен для правового анализа: спор вокруг rotten boroughs велся не о нравственности патронажа как такового, а о том, в какой форме парламент может «отменить» историческое представительство и какими гарантиями сопровождается перераспределение публичной власти.

Методологически работа построена как историко-правовое исследование с элементами сравнительно-институционального анализа. Во-первых, применяется догматический разбор конструкции Акта 1832 года: критерии лишения мандатов, техника распределения мест, модель унификации франшизы в боро и сопутствующие процедурные положения. Во-вторых, используется контекстуальная интерпретация: выявление того, какие политические риски законодатель стремился нейтрализовать юридическими средствами и почему избрал именно такие пороги и формулы. В-третьих, учитывается доктрина и практика рассмотрения избирательных споров в предреформенный и раннереформенный период, когда ключевую роль играли не суды общего права, а парламентские комитеты по петициям, действовавшие в логике, заложенной еще Grenville Act 1770 года [Grenville Act 1770]. Для иллюстрации границы судебной защиты избирательного права привлекается линия дел, где суды признавали наличие юридического интереса у избирателя, но при этом не вмешивались в политическое усмотрение палаты по вопросам состава и полномочий, что позволяло показать, почему реформаторы делали ставку на законодательную «ампутацию» rotten boroughs, а не на судебную коррекцию практики.

Результаты и обсуждение

«Гнилые местечки» возникли не как изначальная «ошибка» системы, а как побочный продукт эволюции средневекового представительства, где мандат был связан с местом и его корпоративным статусом. Когда торговые пути, демография и экономика сместились, юридическая оболочка продолжала жить собственной жизнью: некоторые боро превратились в «выборные машины» при нескольких десятках избирателей, а иногда и меньше, что делало мандат фактически оборотоспособным политическим ресурсом. При этом формальная законность поддерживалась тем, что право голоса определялось локальной традицией и хартией, а не общими критериями равенства или пропорциональности, и до 1832 года не существовало единой нормы, на которую можно было бы опереться для «автоматического» пересмотра представительства [Pole, 1966]. Практикующий юрист, читающий материалы того времени, неизбежно замечает, что ключевой конфликт был не столько о фактах «упадка» округов, сколько о признании новых критериев юридической релевантности — населения, экономической активности, налогооблагаемой базы — по отношению к историческим корпоративным правам.

В юридической конструкции «карманного» боро особенно важна связь между

имущественными механизмами и составом электората. В *burgage boroughs* право голоса было привязано к определенным земельным участкам, и покупка этих участков де-факто означала покупку голосов, причем в форме, трудно уязвимой для прямого правового запрета. В *corporation boroughs* контроль над муниципальной корпорацией позволял управлять списком избирателей через прием в *freemen* или через корпоративные решения о «праве» участвовать в выборах, и спор о том, кто именно является легитимным избирателем, легко превращался в спор о полномочиях самой корпорации. Эта архитектура, с точки зрения публичного права, создавала эффект закрытого клуба, который при внешней корректности процедур (сбор голосов, оглашение результата, возврат *writ*) разрушал идею выборов как механизма репрезентации интересов территории. В доктрине неоднократно отмечалось, что патронаж не был противоправным как таковой, поскольку система допускала «влияние» землевладельца как естественное продолжение социальной иерархии [Moore, 1976]. На практике же именно в *rotten boroughs* граница между влиянием и юридически значимым искажением волеизъявления оказывалась наиболее размыта.

Движение к реформе шло через серию точечных вмешательств, которые показывали потенциал парламента по лишению мандатов за коррупцию, но не решали системной диспропорции. Показательны дела, когда боро лишали представительства или перераспределяли его из-за установленной подкупной практики, включая прецедент *Grampound*, где коррупция стала юридическим и политическим основанием для «наказания» округа с передачей мест иному представительству [Brock, 1973]. Эти эпизоды демонстрировали юридическую мысль того времени: парламента может вмешиваться в представительство не только как политический арбитр, но и как носитель квазисудебной функции в делах о «злоупотреблениях» выборным правом. Однако «коррупционное» основание не покрывало боро, которые были «гнилыми» по демографическим причинам, но не обязательно имели доказанный подкуп, и потому накапливалось ожидание общих критериев, а не индивидуальных санкций.

Судебная практика общего права играла в этой сфере ограниченную, но концептуально важную роль. В деле *Ashby v White* суд признал, что необоснованный отказ принять голос может образовать основание для иска, что закрепляло идею голосования как защищаемого права, а не чистой милости администрации [Ashby v White, 1703]. Вместе с тем именно избирательные споры о действительности выборов и о полномочиях избранных оставались в орбите Палаты общин, опираясь на привилегии и внутренний порядок, и это резко сужало пространство для судебного «исправления» *rotten boroughs*. Юридически значимым становилось не столько признание индивидуального права избирателя, сколько способность парламента изменить «архитектуру» округов одним актом, не вступая в конфликт с судебными доктринами о компетенции. В результате реформаторы были вынуждены мыслить категориями законодательной техники: как описать в тексте закона перечень мест, которые лишаются мандатов, и как юридически корректно передать освободившиеся места новым субъектам представительства.

Реформенный кризис 1831–1832 годов показал, что судьба «гнилых местечек» решалась на стыке права и конституционного обычая. Билль о реформе проходил через парламента в условиях, когда отказ Палаты лордов поддержать перераспределение мест воспринимался как блокирование не просто политики правительства, а «вопроса доверия» к представительному строю в целом. Угроза создания новых пэров для преодоления сопротивления лордов, обсуждавшаяся в окружении короля, была в правовом смысле инструментом воздействия через прерогативу, но в конституционном — шагом, который мог изменить баланс ветвей власти и

потому использовался как крайняя мера [Cannon, 1973]. Для практикующего юриста здесь особенно интересно, что формально все решения укладывались в допустимые полномочия институтов, но их сочетание порождало риск слома негласных ограничителей, то есть того, что позднее описывали как «конституционные конвенции».

Акт 1832 года выбрал технику «расписаний» как способ юридически бесспорного демонтажа rotten boroughs. Вместо абстрактной формулы закон прямо перечислил боро, подлежащие полной потере представительства (Schedule A), и боро, у которых число депутатов сокращалось (Schedule B), тем самым исключая спор о том, подпадает ли конкретное местечко под общие критерии. Такой прием снижал пространство для судебного и квазисудебного оспаривания, поскольку предметом правоприменения становился не оценочный факт «гнилости», а проверяемая принадлежность к перечню. При этом критерий населения, использованный как основание для включения в расписания, закреплял переход от корпоративно-исторической логики к логике «общественной функции» представительства, пусть и в весьма умеренном виде [Evans, 2013]. Конструктивно это было признание того, что парламентское место — не атрибут городка как «собственности» или древнего титула, а элемент публичного устройства, которым парламент вправе распоряжаться ради общенационального интереса.

Само перераспределение мест демонстрирует, что цель реформы заключалась не в демократизации в современном смысле, а в ограниченной коррекции перекосов, достаточной для легитимации режима. Освобождавшиеся мандаты уходили новым промышленным центрам и усиливали представительство графств, что признавало реальность экономического роста вне старых муниципальных корпораций. Юридически важно, что перераспределение не сопровождалось принципом строгой пропорциональности: парламент не устанавливал математический стандарт «один мандат на N жителей», а действовал в логике компромисса, сохраняющего управляемость системы и влияние земельной аристократии. Публично-правовой смысл ликвидации rotten boroughs поэтому двойственен: с одной стороны, устранялась наиболее очевидная фикция, с другой — сохранялась значительная часть «неравенства» как осознанная плата за принятие реформы в рамках существующего строя [Gash, 1953]. Для юриста это пример того, как законодательная рациональность может быть подчинена конституционно-политической приемлемости.

Отдельного внимания заслуживает то, что Акт 1832 года не «наказал» патронов и не создал режима компенсаций. В контексте тогдашнего понимания собственности и прав ожидания это могло выглядеть спорно: влияние на боро воспринималось как актив, обеспеченный вложениями в землю и местные связи. Тем не менее парламент последовательно проводил мысль, что мандат является элементом публичной власти, а потому не может рассматриваться как объект частного права, подлежащий возмещению при изъятии. Эта позиция, по сути, предвосхищает современные разграничения между имущественными правами и политическими возможностями, хотя формулировалась иными словами и без теории основополагающих прав. Примечательно, что даже в полемике противники реформы чаще апеллировали к «конституционной традиции» и стабильности, чем к языку юридически защищенных имущественных притязаний на мандаты [Salmon, 2017]. Такая риторика показывала, что сами патроны понимали слабость идеи «владения» представительством перед лицом парламентского всемогущества.

Ликвидация «гнилых местечек» сопровождалась унификацией и перенастройкой франшизы в боро, где ключевым новшеством стал £10 household franchise. В правовом плане это был переход к более формализуемому критерию, потенциально удобному для администрирования:

наличие определенного уровня имущественной и арендной состоятельности. Порог в 10 фунтов в год одновременно расширял электорат по сравнению с узкими корпорациями и сохранял его как цензовый, исключая значительную часть рабочего населения. Эта конструкция прямо влияла на судьбу «карманных» округов: там, где контроль держался на нескольких десятках *freemen*, расширение базы могло разрушить механизм, но там, где местная собственность и аренда также концентрировались у патрона, влияние частично сохранялось уже на новых юридических основаниях. Именно поэтому в политико-правовой литературе реформа часто описывается как «перенос» контроля, а не его устранение [Birch, 1971]. С точки зрения правоприменения, изменение франшизы создавало новые типы споров о квалификации избирателя и о корректности регистраций, что подталкивало систему к более бюрократизированным процедурам.

Механизм комиссий по границам, использованный для настройки новых округов, стал важной институциональной инновацией, хотя и оставался тесно связанным с парламентским усмотрением. Комиссии собирали сведения, предлагали линии границ, учитывали «естественные» и административные ориентиры, но окончательное решение закреплялось законом и, следовательно, было политически обусловлено. В юридическом смысле это пример делегированного установления фактов при сохранении нормотворческой монополии парламента: комиссия не создавала право, а подготавливала основу для законодателя. Такой подход снижал риск произвольности в деталях и позволял говорить о «технической» объективности, что было важно для легитимации реформы в глазах местных элит. Одновременно именно через границы можно было незаметно влиять на состав электората, и поэтому борьба за линии округов приобрела характер «тихого» продолжения реформенного конфликта [Report of the Boundary Commissioners, 1832]. Для практикующего юриста здесь угадывается будущая проблема, знакомая по современным дебатам о джерримендеринге, хотя термин и контекст иные.

Интересна правовая судьба муниципальных корпораций после реформы: они сохраняли роль в местном управлении, но их способность «владеть» электоратом постепенно подтачивалась унификацией регистрации и изменением критериев голосования. Парадоксально, что попытка очистить парламентское представительство от «гнилых» анклавов столкнулась с тем, что сами муниципальные режимы к тому времени нуждались в модернизации, и уже вскоре это вылилось в реформу муниципального управления 1835 года. Ликвидация *rotten boroughs* тем самым стала частью более широкого процесса юридического размыкания закрытых корпораций, где публичные функции отделялись от частных интересов узкого круга «полноправных» членов. В оценках современников этот сдвиг воспринимался как возвращение доверия к праву через сокращение пространства для местных «обычаев», которые де-факто прикрывали контроль патрона над выборами [O’Gorman, 1989]. На уровне юридической техники это проявлялось в росте значения формальных списков, критериев проживания и платежеспособности.

Практика рассмотрения избирательных петиций после 1832 года показала, что устранение «гнилых местечек» не ликвидировало автоматически коррупцию и давление на избирателей. Изменился масштаб и адресаты: подкуп становился дороже, давление смещалось в сторону работодателей и арендаторов в быстрорастущих городах, а спорные вопросы концентрировались вокруг регистрационных списков и правильности квалификации «домовладельца» или арендатора. Поскольку до судебной реформы избирательных споров 1868 года основным форумом оставались комитеты Палаты общин, оценка доказательств и стандарты беспристрастности по-прежнему зависели от политического контекста, что нередко

снижало доверие к итогам разбирательств. При этом именно расширение электората усилило запрос на процедурную честность и в перспективе стало фактором профессионализации избирательного права как отдельной области практики [McIlwain, 1939]. В правовом отношении это подтверждает известный эффект: корректировка институционального дизайна без изменения процедур контроля порождает новые типы злоупотреблений, а не их исчезновение.

Ликвидация *rotten boroughs* также повлияла на понимание «представляемого интереса» в парламенте. До реформы многие округа существовали как каналы влияния аристократии, которая, с точки зрения тогдашней конституционной идеологии, считалась носителем ответственности и опыта управления. Реформа не уничтожила эту модель, но вынудила ее адаптироваться: вместо прямого контроля над «двумя голосами» в местечке усилилась конкуренция за мандаты в более крупных округах, где требовались коалиции и иные формы политической мобилизации. В юридическом измерении это выразилось в большей значимости унифицированных правил выборов и в возрастании роли партийной дисциплины, а также в постепенном дрейфе от персонализированных «локальных прав» к общим стандартам. Показательно, что дискуссии о реформе часто апеллировали к идее «виртуального представительства» как оправданию старого строя, но именно ликвидация наиболее одиозных округов подорвала убедительность этой доктрины на практическом уровне [Pole, 1966]. Это было не теоретическое опровержение, а юридически оформленное признание изменения общественного договора.

С точки зрения конституционного права, 1832 год важен еще и тем, что он закрепил модель реформы через статут, а не через «переписывание» конституции. Британская система и ранее менялась через акты парламента, но масштаб вмешательства в состав Палаты общин сделал очевидным, что «конституция» существует как совокупность изменяемых норм и практик, а не как неприкосновенный текст. Для юриста-практика это означает, что легитимность изменений обеспечивалась не внешним контролером, а процедурой прохождения билля и политическим согласием ключевых институтов, включая корону. Противостояние вокруг реформы выявило и пределы сопротивления Палаты лордов в ситуации, когда правительство может использовать механизмы прерогативы для изменения состава палаты. Внутреннее напряжение между правом и конституционными обычаями стало частью профессионального разговора о том, как «правильно» применять законные полномочия без разрушения доверия к институтам [Dicey, 1908]. Эта тема и сегодня остается узнаваемой при обсуждении пределов конституционной игры.

Прагматика реформы видна в том, что она устраняла наиболее заметные «мертвые зоны» представительства, но оставляла широкое поле для дальнейшей эволюции. Многие «полугнилые» или «управляемые» округа продолжали существовать, а новые промышленные округа получали представительство, которое по мере роста населения вновь начинало отставать от реальности. Тем самым Акт 1832 года институционализировал идею периодической коррекции, хотя прямо не закреплял обязательность будущих пересмотров. В языке права это выглядело как разовое решение, но в логике конституционного развития — как признание принципа: состав представительства не является раз и навсегда данным. Уже в последующих реформах 1867 и 1884 годов этот принцип был развёрнут, но первоначальный разрыв с идеей «вечных» хартийных мандатов произошел именно через ликвидацию *rotten boroughs* [Evans, 2013]. Для практики это был момент, когда «историческое право» уступило место управляемой законодателем конструкции публичного интереса.

Отдельным последствием стала трансформация юридического языка, которым описывались выборы. Если ранее спор шел вокруг «прав боро» и «привилегий *freemen*», то после 1832 года

усилилась категория регистрационного статуса и имущественного ценза, то есть более проверяемых юридических фактов. Это облегчало администрирование, но одновременно повышало значение доказательств проживания, платежей, характера владения, что подталкивало избирательные конфликты к квазисудебной логике. Возникла потребность в более нейтральном арбитре, чем партийно окрашенный комитет палаты, и эта потребность постепенно формировала траекторию к судебной модели рассмотрения петиций во второй половине века. В таком прочтении ликвидация «гнилых местечек» была не только «чисткой» реестра округов, но и запуском более глубокой юридической модернизации: право начинало требовать доказуемых критериев там, где ранее хватало традиции и влияния [Grenville Act 1770]. Профессиональная юридическая работа на выборах расширялась именно потому, что росла роль формальностей.

Критическая оценка реформы неизбежно упирается в вопрос: решала ли ликвидация rotten boroughs проблему легитимности или лишь перераспределяла ее. С одной стороны, устранение местечек, где два мандата «опирались» на горстку избирателей, имело очевидный эффект снижения публичного цинизма и уменьшения самых грубых форм «приватизации» представительства. С другой стороны, введение £10 franchise и сохранение цензовой логики означали, что политическая нация по-прежнему определялась через имущественный фильтр, а трудовые классы оставались вне полноценного участия. В терминах публичного права это выглядит как компромиссный вариант расширения легитимности без полного пересмотра основания власти: право не признало всеобщее избирательное право, но признало необходимость убрать наиболее компрометирующие исключения. В работах по политической истории нередко подчеркивается, что именно такой «умеренный» характер позволил реформе закрепиться и не привести к системной дестабилизации [Gash, 1953]. Юридически это урок о том, что конституционные изменения часто проходят как серия точечных, но символически значимых поправок.

Заключение

Ликвидация «гнилых местечек» по реформе 1832 года стала редким примером того, как британская конституционная система смогла в рамках обычного статутного процесса демонтировать устойчивую сеть локальных привилегий, не прибегая к кодификации конституции и не создавая специального органа конституционного контроля. Реформа юридически закрепила новый критерий релевантности для представительства — общественную «весомость» территории, выражаемую в населении и экономическом значении, — и сделала это через технику прямого перечисления подлежащих лишению или сокращению округов. Такой прием позволил резко снизить спорность правоприменения и придал изменениям вид процедурно завершеного решения, а не нескончаемой серии разбирательств о каждом конкретном боре. Одновременно правовая природа мандата была фактически отделена от частного интереса патрона: представительство подтвердилось как институт публичного устройства, который может быть изменен законодателем без признания «права собственности» на политическое влияние.

Конституционно-практический эффект реформы следует понимать шире, чем простое исчезновение нескольких десятков карманных округов. Избирательная система стала менее зависимой от закрытых корпоративных режимов и ближе к формализованным критериям, что усилило значимость регистрации и доказуемых фактов статуса избирателя, а также повысило цену процедурной корректности. Реформа не устранила коррупцию и не создала равного

представительства, но изменила структуру рисков: грубая «покупка места» через микроскопический электорат стала труднее, а политическая конкуренция сместилась к более крупным сообществам, где требовались иные инструменты мобилизации и контроля. В долгосрочной перспективе ликвидация «гнилых местечек» закрепила представление о парламентском представительстве как об изменяемой правовой конструкции, подлежащей периодической корректировке в ответ на социальные и экономические трансформации, и тем самым заложила юридический фундамент для последующих реформ XIX века.

Библиография

1. Берч А. Х. Политическое представительство в Англии и истоки современной демократии [Representation]. М. : Прогресс, 1971.
2. Брок М. Великая реформа: Англия в 1830–1832 гг. [The Great Reform Act]. М. : Мысль, 1973.
3. Гэш Н. Политика в эпоху Пия: исследование в области избирательной техники и парламентского управления, 1830–1850 [Politics in the Age of Peel]. Л. : Лонгман, 1953.
4. Дэйси А. В. Введение в изучение права Конституции [Introduction to the Study of the Law of the Constitution]. Л. : Макмиллан, 1908.
5. Кэннон Дж. Парламентская реформа 1640–1832 [Parliamentary Reform 1640–1832]. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1973.
6. Мак-Илвейн Ч. Х. Конституционализм и изменяющийся мир [Constitutionalism and the Changing World]. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1939.
7. Мур Д. К. Политика подчинения: социальные основы политической стабильности в Англии накануне первой реформы [The Politics of Deference]. Хасокс: Харвестер Пресс, 1976.
8. О'Горман Ф. Избиратели, патроны и партии: ненаписанная история ранних выборов в Великобритании [Voters, Patrons and Parties]. Оксфорд: Кларендон Пресс, 1989.
9. Пол Дж. Р. Политическое представительство в Англии и истоки американской республики [Political Representation in England]. Л. : Макмиллан, 1966.
10. Салмон Ф. (ред.) Избирательная реформа и Палата общин: перераспределение мест, право голоса и поведение избирателей в Британии, 1815–1868 [Electoral Reform and the House of Commons]. Л. : Палгрейв Макмиллан, 2017.
11. Эванс Э. Дж. Великий закон о реформе 1832 года [The Great Reform Act of 1832]. 2-е изд. Л. ; Нью-Йорк: Рутледж, 2013.
12. Ashby v White (1703) 2 Ld Raym 938.
13. Grenville Act 1770 (10 Geo. III c. 16).
14. Parliamentary Debates (Hansard), 3rd Series, Vol. 1–14 (1831–1832). Л. : Хансард.
15. Report of the Boundary Commissioners (England and Wales), 1832. Л. : HMSO.
16. Representation of the People Act 1832 (2 & 3 Will. IV c. 45).

The Elimination of “Rotten Boroughs” under the Electoral Reform of 1832 in Great Britain

Vadim A. Ivashchenko

Senior Lecturer,
Pacific State University,
680035, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: 003990@togudv.ru

Abstract

The article examines the elimination of 'rotten boroughs' in Great Britain as a key legal mechanism for recalibrating parliamentary representation amidst the industrial and demographic

shifts of the early 19th century. It is shown that the discrepancy between population numbers and retained mandates was not perceived within British law as a technical anomaly, since representation was historically linked to corporate privileges and charters, not to the principle of proportionality. The analysis explores how local franchise regimes and property structures transformed certain districts into stable 'electoral machines' of patronage, formally legal but giving rise to systemic corruption and clientelism. The 1832 Reform is interpreted as a demonstration of parliamentary sovereignty, implemented through the statutory technique of schedules directly listing districts subject to the deprivation or reduction of mandates, thereby minimizing the scope for challenge. The constitutional tensions of 1831–1832 are highlighted, along with the role of boundary commissions and the consequences of franchise unification through the £10 household criterion: the expansion yet simultaneous propertied restriction of the electorate, the transformation of influence mechanisms, and the growing significance of registration procedures and petitions. The reform is presented as a symbolically powerful yet compromise-driven adjustment of legitimacy, institutionalizing representation as a malleable public-law construct.

For citation

Ivashchenko V.A. (2025) Likvidatsiya «gnilykh mestechok» po izbiratel'noy reforme v Velikobritanii 1832 g. [The Elimination of “Rotten Boroughs” under the Electoral Reform of 1832 in Great Britain]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (12A), pp. 41–50. DOI: 10.34670/AR.2026.49.93.006

Keywords

Rotten boroughs, Electoral Reform of 1832, parliamentary representation, parliamentary sovereignty, suffrage, constitutional reform, political history.

References

1. Ashby v White (1703) 2 Ld Raym 938.
2. Birch, A. H. (1971). Representation. Macmillan.
3. Brock, M. (1973). The Great Reform Act. Hutchinson & Co.
4. Cannon, J. (1973). Parliamentary Reform 1640–1832. Cambridge University Press.
5. Dicey, A. V. (1908). Introduction to the Study of the Law of the Constitution (8th ed.). Macmillan.
6. Evans, E. J. (2013). The Great Reform Act of 1832 (2nd ed.). Routledge.
7. Gash, N. (1953). Politics in the Age of Peel: A Study in the Technique of Parliamentary Representation, 1830–1850. Longmans, Green and Co.
8. Grenville Act 1770 (10 Geo. III c. 16).
9. McIlwain, C. H. (1939). Constitutionalism and the Changing World. Cambridge University Press.
10. Moore, D. C. (1976). The Politics of Deference: A Study of the Mid-Nineteenth Century English Political System. Harvester Press.
11. O'Gorman, F. (1989). Voters, Patrons and Parties: The Unreformed Electoral System of Hanoverian England 1734–1832. Clarendon Press.
12. Parliamentary Debates (Hansard), 3rd Series, Vol. 1–14. (1831–1832). Hansard.
13. Pole, J. R. (1966). Political Representation in England and the Origins of the American Republic. Macmillan.
14. Report of the Boundary Commissioners (England and Wales). (1832). HMSO.
15. Representation of the People Act 1832 (2 & 3 Will. IV c. 45).
16. Salmon, P. (Ed.). (2017). Electoral Reform and the House of Commons: Redistribution, Franchise and Electoral Behaviour in Britain, 1815–1868. Palgrave Macmillan.